Сигарета дотлевала на полу. Я же переосмысливал вопрос:

— Почему я не умер? Почему я жив? Почему бы мне не умереть? — Я поднял окурочек и снова закурил. Агент подсобил огнем. — Странные у вас вопросы. Я думал, Орден работает по другому принципу.

Оттерман лишь безразлично повела рукой.

— У меня задание, которое вряд ли кому-то понравится. Именно поэтому я спрашиваю, почему вы здесь — живы и здоровы, когда остальные охотники считаются пропавшими без вести. Но, де-факто, они мертвы.

Агент всмотрелась в меня. Пару секунд мы боролись взглядами, прежде чем Оттерман обратилась к кому-то:

— Информацию по Максиму Буденову, пожалуйста.

В помещении прозвучал знакомый голос. Невидимка зачитывала те данные, какие вообще можно найти.

— Буденов Максим, семнадцатый год рождения от Первого Пробуждения, двадцать восемь лет. Проживает в городе Швартовске, судимостей нет, не женат. Работа: в основном, деятельность охотника-загонщика. — Оттерман поморщилась, бормоча ругательства под нос. — Последние три года принадлежал к контрактному подразделению загонщиков при армии, по окончании получил бы лейтенанта.

Мужчина-агент взял у Оттерман желтую папку и бросил на стол. Под картонной обложкой оказались мои документы. Паспорт, свидетельство о рождении, договор на съем жилья и прочее, чего я бы не достал и за год. Агент с ленцой осмотрел бумаги.

Голос вещал:

— Сестра — Оксана Буденова. Обретшая типа «маг», контролирует огонь. Входит в гильдию «Мортем» под должностью заместителя главы. В стране числится девяносто пятой по государственному рейтингу силы.

Оттерман хмыкнула:

— Это мы знаем. Бездарный братец великолепной сестры. Как жаль, что ты до сих пор жив, оскверняя ее тень своим существованием.

Я лишь расхохотался. Смех рвался наружу. Оттерман и второй агент нахмурились, но ничего не делали. Воздуха не хватало, живот разрывался.

«Великолепная сестра... Бездарный брат... Почему Обретшие такие высокомерные?!» — Грудь захрипела. Я откашлялся, стуча ладонью по столу.

— Я, *кх*, извиняюсь. Продолжайте.

Со снисходительностью я слушал дальнейшую библиографию сестры. Как она самостоятельно, без чужой поддержки, поднялась до великолепного Обретшего. Уши заворачивались в трубочку от похвалы, которой та стерва недостойна. Голос продолжал осыпать Оксану комплиментами, прежде чем те закончились.

Оттерман с безразличием выслушала восхищенные трели голоса, после чего спросила информацию о моих родителях. И вот там ее ждал сюрприз: мать была обычным человеком, которой Обретшие не сдались ни в жизнь. Правда, хорошего в этом ничего нет. А отец...

Вот тут уже и Оттерман, и я обалдели:

— Доступ запрещен. — Категорично отрезал голос.

Оттерман задрала бровь:

— Код доступа «агент второго уровня».

— Доступ запрещен. — У девушки аж вены на лбу вылезли.

Она спросила:

— Кем запрещен?

И послышалось ожидаемое:

— Доступ запрещен.

Агент обратилась ко мне. Злоба, с какой она выплевывала слова, облачалась в шипение змеи:

— Рассказывай. Иначе тебя разговорит менталист.

Мужчина, выкуривающий вторую сигарету, аж выплюнул ту. Он округлил глаза, те перескакивали с Оттерман на меня. Когда девушка рыкнула, агент выставил руку, останавливая ее:

— Леди Дара, ваша рвение симпатично мне, но идти под статью я не собираюсь.

— Мы расследуем убийство. У нас есть все права, чтобы считать память подозреваемого и выяснить, что он скрывает.

«Ситуация складывается хреново.» — Перепалка между агентами отвлекла тех от меня. Конечно, если происходящее из разряда игры в «Хорошего и плохого копа», то я сильно рискую, думая настолько «громко». Даже полученные навыки оперативника-диверсанта могли спасовать перед грамотным взломом памяти. — «Почему за весь разговор Оттерман не произнесла имени агента? Секретность? Или Орден скрывает данные менталистов, чтобы тех однажды не встретили дома озлобленные мстители?»

Дара снова перешла на «ты», требуя ответов. Я молчал.

Если кто-то скрывает личность отца, то не мне срывать покровы. Минут десять агент долбила вопросами, после чего запал иссяк. Девушка устало помассировала лицо:

— Гражданин Буденов, вы подозреваетесь в убийстве сорока двух человек. Может, у вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

Сорок два человека? Интересно они загнули. Считают меня причастным к гибели охотников? А как они объяснят тот провал в земле?

Пауза затянулась.

— Гражданин Буденов, что вы делали два дня назад? — Оттерман склонилась над столом. — И что вы делали две недели назад?

— Две недели назад я, как и обычно, работал в составе отряда загонщиков, выполняя...

— Вы сказали... — Перебила агент. — ... что работали с загонщиками. Кто может подтвердить ваши слова?

— Мой наниматель и люди, вышедшие на охоту в тот день.

— У вас есть их имена и адреса? Телефоны?

— Нет. У загонщиков не принято заводить дружбу между собой. А заказчик действовал от лица армии, поэтому имя и контакты засекречены.

— Хорошо.

Оттерман достала из папки новые документы. Появились фотографии пролома в земле. И я чудом сдержался от вздоха: на том месте, где мы собирались перед работой, тянулся километровый каньон с зависшей у дна тьмой.

Агент ткнула пальцем в снимки:

— Вы знаете, что это?

— Да. Эта штукавина появилась внезапно. Я помню, как мы провалились вниз. Многие кричали в ужасе. Находились и те, кто, как и я, пытался зацепиться за отвесный склон в пропасть.

— Вы зацепились? — Глаза Оттерман сощурились. В щелке горела алая радужка.

— Нет. Я упал.

Агент хмыкнула. Она освободила верхнюю пуговицу рубашки, от шеи повеяло воздушным запахом духов и пота. Напарник Оттерман закатил глаза.

— Максим, если ты упал, то как же выжил? — Девушка снова перешла на «ты». — Падение с такой высоты приведет любого человека к гибели. Если ты не Обретший, конечно. — Во взгляде Оттерман мигнул интерес. Тот потух через секунду, но былого уже не скрыть.

— Я не уверен. Там была... Угх! — Голову пронзила вспышка боли. Меня согнуло пополам, бивая лоб в стол. — Твою ма-ать...

Сквозь вату в ушах прозвучали обрывки слов:

— Леди Дара, я... барьер... пробиться... Очень плохо, ему... Носилки!

В глазах потемнело. На секунду звуки снова вернули очертания. Я услышал:

— Возьмите образцы крови. Заодно свяжитесь с Оксаной Буденовой, предполагаю, нам придется взять у нее характеристику личности подозреваемого.

День спустя. Ладань.

Корпус Ордена.

Перед монитором, где играли записи с допроса Максима Буденова, сидел Шеф. Кабинет за прошедшие две недели не изменился. На столе стерильная чистота и минимализм. В окне танцуют снежинки, восхваляющие осень северного региона. А на кресле, куда усаживаются посетители, восседала черноволосая девушка.

Оксана Буденова отложила в сторону черную меховую шубу. Она осталась в коротком приталенном белом платье, чья длинная молния проходила от горла до бедер. На ноге, закинутой на соседку, у кончиков пальцев танцевала туфля цвета снега. Она покачивалась в такт мыслям Обретшей.

Шеф обратил соколиный нос на нее:

— Я вызвал вас по делу Буденова Максима, леди Оксана. — Шеф заметил легкий интерес в глазах девушки. Она закрутила на пальце кудри и улыбнулась одними губами до приятной дрожи в сердце мужчины. — Вы отправили запрос на расследование. Задачей стала проверка — умер ли ваш брат или нет.

— Да. — Оксана показала белоснежные зубы. — Есть хорошие новости.

— Максим Буденов подозревается в убийстве. Мы расследуем дело.

Девушка склонила к плечу голову:

— Посмертно?

— Он жив. — Оксана заледенела. Тело девушки превратилось в статую. — Максим находится в следственном изоляторе, где он и пособница проходят через процедуры по выяснению обстоятельств.

— Вот как. — Мороз засквозил в голосе Обретшей. — Высока вероятность, что Максим — преступник?

— Восемьдесят процентов, где он убил, как минимум, двух трех человек. Еще двадцать указывают на возможность контроля.

Брови Оксана смежились. Девушка нахмурилась, но лоб не прочертила ни одна морщина.

Шеф вывел изображение с монитора на стену. Записи показывали помещение с допросной с разных ракурсов. Звуковая дорожка транслировала весь диалог от начала и до конца.

Оксана пристально всмотрелась в агента Оттерман, которую позже игнорировала до конца записи. Больше девушку интересовал брат. Серые глаза железно приковались к Максиму. Следя за его поведением, Оксана в моментах хмыкала, остальное время поддерживая вязкую тишину.

Конец записи показывал, как Максим в судорогах свалился на пол. Сотрудники Ордена вбежали в комнату, с ними зашли медики. К мужчине протянули аппарат искусственной вентиляции легких — небольшая машинка пробилась трубками сквозь горло прямо в грудь Буденова. Остальные ордены использовали шанс, чтобы снять с обуви подозреваемого

кусочки почвы. Напоследок, с его одежды взяли образцы крови.

Запись прервалась.

Шеф сложил ладони на столе. Подобно соколу, мужчина вперился в Оксану:

— Последние события, как и события трехлетней давности, вынуждают Орден пойти на крайние меры. Полиция запросила список членов гильдии «Мортем», а те, о ком вы и знать права не имеете, вмешаются в ход дела. Леди Оксана, вас подозревают в использовании ментального воздействия на брата.

Огненная леди усмехнулась и откинулась на спинку дивана. Руки веревками разлеглись на подлокотниках.

— Даже так?

— Вас берут под арест, а также членов «Гильдии», кто приезжал с вами в Швартовск. Назовите имена.

— Чего вы добиваетесь? Считаете, мы причастны в безумии неудачника?

Шеф... улыбнулся.

За двадцать лет службы лишь десять человек видели улыбку начальника отдела. Из них выжило пятеро, кому эта фальшивая, вычерченная на лице трещина, не предназначалась.

Спина Оксаны взмокла. Девушка не придавала внимания странности и продолжила изучать лицо Шефа на крохи утаенной паники. Буденова мигом попала в мысленную «особую классификацию» орденца, где она заняла третье место среди хладнокровных убийц.

Начальник отдела вернулся к прежнему состоянию. Гостья лишь почувствовала странное облегчение, будто прицел крупной гаубицы сместился далеко в сторону. Но еще мог вернуться в любую секунду.

Оксана спросила:

— Я могу заняться делами? Гильдия, в отличие от Ордена, зачищает опасные зоны, чтобы жители могли жить с надеждой увидеть завтрашний день.

— Занимайтесь, леди Оксана. — Девушка вздернула нос и покинула кабинет с вещами. — Но вы уже под арестом и даже не заметите этого.

Я проснулся в больничной палате. Белое... пространство сплошной дымкой окутывало стены и кровать. Стоящие тумбы расплывались, сколько на них не смотри. Вытянутая лампа играла роль маленького солнца для мыльного взгляда. А зарешеченное окно, куда смотрела Ханako, тянуло черный щупальца.

Беловласка отвлеклась от пейзажа серых стен, освещенных прожекторами. Лицо девчушки из тревожной маски спокойствия переплавилось в мокрую физиономию, исторгающую из глаз соленые реки:

— Командир! — Грохот из уст Ханako взорвал барабанные перепонки! — Ой. Тут же нельзя

кричать.

— Р-р-рад, что ты знаешь об этом. — Зубы со скрипом вдавливались в десны. Я вспотел. — Говори шепотом.

Ханако кивнула. Подле кровати тут же оказался стул, бережно поставленный тонкими, но накачанными руками. Под серой футболкой девчонки виднелись жилы, очерченные выступами мышц. На коже прорастали царапины и шрамы, а на ладонях собрались мозоли и ссадины.

— К-командир... Я знаю, Ханако не безразлична тебе, но хватит извращенно облизываться на меня. — Ханако спрятала руки за спину. — Я ручки растила не для пошлостей.

Я бессильно закатил глаза. В ответ на колкости ничего не получалось сказать. Даже вздохнуть. Наверняка, причина слабости — трубки, торчащие из горла и провода, оканчивающиеся присосками на лбу и груди.

Меня как дернуло.

«Если мне в горло вставили трубки, то почему я могу шевелить челюстью?» — Я сделал жевательное движение. — «Да ладно... Они частично перенесли устройство в другое измерение? Кто вообще способен это сделать?»

Я испытывал неосязаемость труб, растущих изо рта. Кусал, жевал, ходил головой влево, вправо. Даже задерживал дыхание, но аппарат, как назло, продолжал дышать за меня.

«Неужто я настолько ценен для дела, раз для здоровья и самочувствия задействовали тайные разработки? Сумасшедший мир, какую мерзость ты готовишь на завтра?»

Мы болтали с Ханако на нейтральные темы. Она рассказывала о том, как с ней обращались агенты. Я отвечал взаимностью. Потом мы промыли кости Оттерман, ее ни я, ни Ханако терпеть не могли. Обретшая доставала сержанта три дня подряд, пока меня из-за лечебного сна запретили трогать врачи.

На миг нас прервал ночной обход. Медики заглянули в палату и спросили самочувствие, сверяя показатели на приборах. Под конец врачи почти выгнали Ханако, но та в своей манере накинулась на них, умоляя остаться со мной.

— Ему нужен ухо-од и ла-аска! — С воплями, пилящими голову врачам и мне, Ханако упала в ноги к медикам. После пары криков те не выдержали и сбежали. — Эта Ханако превосходный манипулятор. Нет человека, кто бы ни сдался перед красноречием самурая!

— Заткнись, пожалуйста. Просто заткнись. — Ладони закрыли глаза, чтобы не видеть происходящее. И я нечаянно всхлипнул.

Реакция Ханако не заставила ждать:

— Командир, не плачь!!!

Я попал в комнату для допросов через два дня. У меня забрали анализы, как физиологические, так и психологические. По последнему составляли псих-портрет, им руководствуются

следователи. И, после процедур, отправили сюда.

Оттерман к принарядилась к встрече. На ней сидел костюм с брюками, на пиджак нацепили бронезилет. К поясу прикреплена кобура с пистолетом. Но интересно другое: агента окружала знакомая сфера барьера.

Лицо Оттерман не обещало ничего хорошего. В уставших глазах плескалась жажда убивать. Я не знал, сколько девушка подписала бумаг, прежде чем вновь встретиться со мной, но предположу, в ее настроении виноват не я, а «потерянный» артефакт.

Артефакт же лежал у меня в пространственном кармане.

Заместо Оттерман начал ее коллега:

— Максим Буденов, вы готовы к сотрудничеству со следствием?

Я проигнорировал вопрос. Орденцы вряд ли помогали, скорее, они преследовали иные цели. Например, искали причину разлома в земле. Выискивали того, кто мог объяснить происходящее. Выбирали кандидата, чтобы спустить на него всех собак, в конце концов.

Почему... как я дошел до этих предположений? Для начала, человеку на допросе никогда не говорят: «Почему вы живы?». Возможно, спросят: «Как вы выжили?», — но точно не ударят в лоб неприязню. Дальше, какой правительственный орган будет запрашивать данные по семье, когда преступник сидит, считай, перед тобой? Ход настолько странный, насколько чудной вопрос.

Меня пытались сломить, но для чего? Я никого не убивал, причем, менталист четко различает спокойствие и уверенность во мне. То, о чем я говорю и как отвечаю, не похоже на поведение убийцы. Профессионального киллера, кем я стал благодаря Пробуждению — вероятно. Виновника в смерти или открытии провала в земле — нет.

Значит, дело не в том, что произошло в лесу. Они уже поняли — я не способен открыть разрыв в почве. Не те силенки. Убийство же призванных копов орденцы вынуждены списать на атаку импов. Другое дело — форма полиции и удостоверения погибших, да еще и оружие, похожее на образцы из нашего мира, но местами отличается. Не говоря о трупах, которые исчезают через сутки...

«Значит, я здесь из-за кого-то, а не сам по себе. Пропать спишут на аномалию или играющего Обретшего. Форму и документы полиции — на них самих или криминального босса, решившего внедрить людей в органы. Образцы оружия, найденные и у меня, изымут и отправят на экспертизу. Остается парочка вариантов. И менее безумный: орденцы выманивают кого-то на «живца». То есть, на меня!»

Я мог ошибаться, но навыки оперативника, даже если детали избегали глаза, интуитивно вели меня к грустным выводам. Меня используют, скорее всего, для поиска сильного Обретшего, устроившего разлом и призвавшего полицейских. Потом, когда Орден добьется успеха, агенты могут поступить со мной, как захотят.

«Нужно сматываться. Но как? Дождаться отката по призыву инженеров? Что сделают восемь человек против отрядов подавителей? Эти ребята как машины, в них запихнули десяток артефактов, они пьют каждый день заказанные государством зелья, а оружие и броня — вершина технологических разработок.» — Рассуждения затянулись. Оттерман открыла папку с информацией обо мне. Только папочка стала толще в разы.

— Гражданин Буденов, давайте не будем тянуть время. Улики, за которые вас посадят лет на десять, мы достали. Вы обвиняетесь в убийстве, в ношении незарегистрированного оружия, в переманивании людей на сторону преступной группировки.

Я промолчал.

Продолжил мужчина:

— Максим, мы пытаемся помочь. В загонщики идут не от хорошей жизни. Если подсобите следствию, то избавитесь от проблем. Орден в праве уничтожить досье. Тогда ваша жизнь вернется к размеренному ходу. Расскажите, что случилось в лесу. Вы ведь пробудились, не так ли?

«Значит, слухи правдивы. Орден имеет при себе Обретших, способных вычислить Пробуждение. Тогда понятно изменившееся поведение агентов. Для них пробудившийся — человек высшей лиги. По сути, я встал на уровень средневекового аристократа. Ценный стратегический ресурс. Меня, повязав делами с Орденом, можно будет в дальнейшем использовать.»

Агент не дождался ответа. Он сказал:

— Внесите регистратор Пробуждения.

С тихим шипением открылись двери. На железной тележке везли хромированный кейс длиной в метр и шириной в половину. Щелчок — крышка поднялась, являя глазу магнитофон. Единственным отличием от знакомого устройства оказалось гладкое пространство, как встроенная сенсорная панель на ноутбуке. А вместо динамиков располагались дискимониторы с бегающими по кругу символами.

Агент потребовал, чтобы я приложил руку к сенсору.

Я спросил:

— А если я отказываюсь?

Мужчина в ответ закурил. Образовавшийся дым потянулся ко мне. Серые кольца обхватили правую кисть. Внезапный рывок вырвал меня со стула. Ладонь оказалась на сенсоре.

Прибор пискнул. На мониторах появились цифры и неразборчивые буквы. Оттерман записала показатели на лист и передала коллеге.

— Значит, вы пробудились тремя сотнями очков. О, как! — Агент перевел на меня заинтересованный взгляд. — Ни одной способности к магии или контролю энергии. Что же Максим, ты выбрал?

Манера агентов переходить с «вы» на «ты» и обратно бесила. Захотелось ответить едко и ехидно, но я сдержался. Не хватало еще, чтобы по поведению и псих-портрету срисовали мои способности.

Оттерман взбрыкнула:

— Слушай, охотник. У тебя нет выбора. Подчиняйся, если не хочешь остаток жизни провести в камере.

— Это тоже выбор. Жить дальше, будучи псом на поводке, или прозябать в тюрьме, где меня, так или иначе, попытаются сломать.

Агент хмыкнул:

— Действительно. Ладно, мы сделали все возможное. — Он встретился со мной взглядом. — Вас отправляют в Ладань, где следствием займутся компетентные органы. Орден больше не в праве защищать вас.

«В смысле, защищать?» — В помещение зашли подавители. Спецы скрутили меня и ошастливили наручниками на запястьях. — «Какого черта?!»

Меня вывели в коридор, потом подавители, вместе с агентами, направились к камерам. Там я увидел Ханako. Душа упала в пятки.

На девчонку страшно посмотреть. Лицо в синяках, пальцы окровавлены. Ногтей нет, да и половины волос тоже. Из одежды осталась майка и трусы, в них Ханako лежала на койке и смотрела в потолок. За то время, пока служащие открывали камеры, Беловласка не моргала.

— Ханako Такигучи, на выход. — Сержанта подхватили два подавителя. Быстро и жестко они заломили ей руки. Щелкнули наручники. — Идем.

«Ублюдки. Почему вы не пытали меня?! Что вам сделала девчонка?!» — Агент поморщился. Менталист, будь ты проклят.

Я хотел убить всех, кто находился рядом. Оттерман, сумасшедшую суку, менталиста, оказавшегося большим уродом, чем первая. И подавителей, нелюдей, способных на жестокость к беспомощному человеку.

Нас привели в комнату, где открывался портал. Квадратная арка разошлась в стороны, открывая вид на... Оксану.

«Эта тварь здесь? Из-за нее происходит эта вакханалия?!» — Я с трудом заметил неподалеку второго человека. — «Виктор? Ублюдок, чтоб ты... Это не он.»

Тот, кто стоял за спиной предательницы, значительно старше Виктора и меня. Короткий ежик седых волос прикрывала широкополая шляпа. Старомодный бежевый плащ накинут на плечи. Белая рубашка и брюки на подтяжках вышли из кинолент прошлого века.

Незнакомец выкуривал трубку и улыбался.

Когда до портала оставались десятки шагов, заорал знакомый голос:

— Командир, давай!

Двойка подавителей отлетела в стороны.

Остальные нацелили автоматы на Ханako. Та, не теряя времени, метнулась к упавшим противникам. Оружие оказалось в руках.

Подавители открыли огонь Ханako. Сержант юркнула за ящики, откуда огрызалась очередями.

Конвоиры с удвоенной силой потащили меня к portalу. Они навалились, выталкивая меня к арке, но я вовремя отшагнул в сторону.

С хрустом сместились запястья, наручники звякнули о пол. Ко мне повернулись дула, вспыхнувшие пороховым огнем.

Я рванул в сторону. За спиной клацали пули. В подкате успеваю вправить кисти. В здоровую руку вываливается Glock21 из пространственного кармана.

«Призыв... черт!» — Кувырок спасает от кинжального огня подавителей. Ноги докидывают до укрытия Ханako. — «Чуть способности не спалил!»

Пистолет выхватывает одного из подавителей.

ТЫЩ! — На баллистической маске расцветает роза из трещин. Противник жив, но контужен.

Перевожу на другого. Новая цель замечает меня и заливает позицию свинцом. Вовремя ложусь, как по голове словно молотком вмазали.

— Агх! Менталист! — Пространственный карман выкидывает защитный артефакт. Сжимаю тот покрепче. — Лови пулю, урод!

Агент не сдвинулся с места. Проклятье, у него тоже барьер!

Я вижу, как пули застывают в воздухе. На секунду проскакивает зеленая рябь блокирующей сферы. Дуло выглядывает на подавителя рядом, но того закрывает телом Оттерман. На выстрел агент отвечает огненной струей!

— Ханako, ложись! — Девчонка пищит подо мной. А укрытие, за которым мы сидели, сгорает в ревущем пламени. Остатки плавленными струйками бегут вниз. — Значит, играем по-плохому?!

«Призыв наряда полиции!» — Менталист услышал мысли и кричит остальным об опасности. Оттерман отскакивает в сторону. И вовремя. С короткой вспышкой появляется четверка копов. Карабины срезали половину подавителей.

— Вперед! Ханako, найди пульт от портала! — Сержант стрелой бросилась прочь, а я рванул к Оттерман. — Значит, барьеры, да?!

За пару ударов сердца я подскочил к дряни. Защита у обоих гудит, но я прорываюсь в сферу Оттерман. Рука агента обволакивает огонь.

Поздно.

Левой рукой с артефактом беру кисть Оттерман на излом, правая с «Глоком» смотрит в подбородок.

Два хлопка и та падает на пол. Второй агент выкуривает сигарету. Тяжелый смог влетает в щит и отбрасывает меня прочь. Полицейские бросаются в стороны, чтобы не попасть под атаку.

Менталист бьет снова, но в этот раз по призванным. Пара копов замирает. Глаза стекленеют. Я вижу, как они направляют оружие друг на друга. И жмурюсь, слыша выстрелы.

«С-сук...» — Дым превращается в огромную руку. Та подхватывает сферу щита и пытается сдвинуть с места. — «Не пройдет!»

Артефакт летит прочь. Дымная рука в инерции сжимает шар. Менталист мигом развеивает ту

для удара по мозгам, но я слишком близко. В шаге от агента накрывает колокольный звон. Из носа пошла теплая струя.

Только я уже в метре от менталиста. С левой закручиваю в челюсть, агент успевает перехватить. Он входит в клинч, ему нужны секунды для нового психического удара.

В глаза бросается знакомая брошь. «Глок» летит в лоб агенту. Тот инстинктивно перехватывает оружие. Я же хватаю артефакт и тупым краем бью в висок менталисту.

— Давай! — Выкрутив руки агенту, подставляю его под карабины союзников. Двойная очередь встряхивает ордена в предсмертном танце. Все, труп.

Дыхание качает кислород быстрее насоса. Сердце подобно старому мотору — барахлит, но работает. Руки дрожат, ноги подкашивает. Во рту скапливается вязкая слюна — прелюдия перед рвотой. С силой глотаю накопившееся и сжимаю большие пальцы в ладонях.

В голову бьют мысли:

«Что-то не так. Что-то мы не сделали...» — Я оборачиваюсь к арке портала и встречаюсь глазами с Оксаной.

Она удивлена. Нет, она поражена. На лице знакомая улыбка, с ней сестра встречала меня с работы, когда была ребенком. Губы извиваются в приветственных речах. Оксана поздравляет меня.

— Давно не виделись. — «Глок» с радостью издает аплодисменты. — Забыл отдариться за три дня рожденья!

Сестра хватается за живот, по платью расходятся красные разводы. Незнакомец рядом с ней протягивает ко мне руку. Инстинкты взвизгнули. Шаг в право. И по телу разливается боль.

Полицейские нашивают в портал десяток пуль, как тот закрывается. И резко меняется на вид деревьев.

Слышится голос Ханако:

— Командир, я... Нет! — Беловласка влетает в меня с объятьями. — Ками-сама... Это же... Нужно как-то перевязать!

— Ничего страшного. — Я хмыкнул. Идиот, у тебя из оторванной руки кровяца хлещет, а ты... — Посмотри, есть что-нибудь из медикаментов у подавителей.

Ханако бросилась обчищать карманы трупов. Полицейские же, по приказу, сложили оружие убитых рядом, чтобы я закинул его в пространственный карман. Туда же отправились артефакты орденцев. Все-таки полезная... штука... Даже если и...

Я потерял слишком много крови.

Ханако силуэтом мелькала рядом, но я не слышал, о чем она говорила. Кольнуло в бок. Затем я почувствовал, как сознание улиткой ползет на место.

В нос дунуло запахом леса. Ушей коснулись слова Ханако:

— Мы выбрались.

<http://tl.rulate.ru/book/60603/1575571>